

ДОМ БЕЗ СТЕН, СТЕНЫ БЕЗ ДОМА: КОНСТРУИРОВАНИЕ ФИЗИЧЕСКИХ И СИМВОЛИЧЕСКИХ ЛОКАЦИЙ В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ МИГРАЦИЯХ УКРАИНОК В ИТАЛИЮ

Светлана Одинец

Светлана Одинец – младший научный сотрудник отдела социальной антропологии Института народоведения Национальной академии наук Украины. Адрес для переписки: Институт народознавства Національної Академії наук України, проспект Свободи, 15, Львів, 79000, Україна. svitlana.odynets@gmail.com.

В статье проанализированы стратегии конструирования *дома*, используемые украинскими мигрантками во время их многолетних миграционных проектов в Италии. Основные исследовательские вопросы: с помощью какого символического ресурса мигрантки конструируют *дом* как *свой дом*; как происходит сопоставление и совмещение разных *домов* в транснациональной украинской женской миграции; всегда ли мигрантки актуализируют *дом* через дихотомию «физического» и «символического»; как решается конфликт между *домиками* в разных странах. Материалом для анализа являются 60 глубинных полуструктурированных интервью с украинскими мигрантками и разными группами экспертов, проведенные в Италии и Украине.

Автор показывает, как в разных типах миграционных проектов связаны личностные сценарии женщины с пониманием *своего пространства* и его реализацией во времени и социальной перспективе. В статье выделяется три интерпретации дома: *дом пересоздаваемый*, *дом разделенный* и *дом потерянный*.

Самой распространенной является вторая категория: большинство женщин, которые мигрировали в Италию в ранние 2000-е, стремятся совмещать социальные контексты обеих стран, инвестируя в страну проживания и продолжая сохранять тесные социальные отношения со страной происхождения, создавая таким образом разные концепции *дома*, который нарративизируется в зависимости от развития миграционной траектории. Несмотря на то, что речь идет о многолетних (более 15 лет) миграциях, которые влекут за собой радикальную трансформацию социальных связей, статуса женщины и смещают пространство ее самоопределения, большинство женщин не готовы к ослаблению связей с Украиной, скорее наоборот: мигрантки очень активно инвестируют в страну происхождения, что отчасти может быть связано с возрастом и низкой оценкой личных социальных капиталов.

Перемещаясь в пространстве, эти женщины движутся во времени благодаря разнице в культурном восприятии социального возраста женщин и нормативности их социальных ролей в Италии и Украине. Миграция для многих женщин является так-

же способом дистанцироваться или избежать конфликта с традиционным социальным порядком и коллективными ценностями в Украине. Например, выезд на заработки как способ уйти из нефункциональной семьи (дома), не разрывая при этом отношений юридически. Для многих мигранток концептуализация пространства как своего тесно связана с украинским национальным проектом.

Ключевые слова: дом; женская миграция; субъектность; транснациональное социальное пространство; Украина; Италия

В анализе женской миграции на стыке XX и XXI столетий, ставшей центральной темой в исследовательских дебатах о мировом рынке домашних услуг, украинский кейс изучен довольно слабо. Глобальные сети заботы (global care chains) (Hochschild 2000), формирующиеся благодаря миграции из развивающихся стран в страны первого мира, исследованы прежде всего на материале женской миграции из Филиппин (Parreñas 2001, 2008), Бангладеш (Rao 2012), некоторых стран Африки (Kofman 1999) и Латинской Америки (Hondagneu-Sotelo and Avila 1997). Постсоциалистические контексты этих процессов (начиная с 2000-х годов) также представлены в некоторых работах (Рязанцев и Ткаченко 2008; Lutz 2012; Piperno 2012), но большая часть поля все еще остается вне академической дискуссии (Ткач и Хрженяк 2016).

Украинская женская миграция в страны ЕС рассмотрена в нескольких социологических и антропологических исследованиях (Näre 2007; Fedyuk 2011; Solari 2011; Vianello 2014). Однако изменения жизненных измерений, социальных взаимосвязей, идентичностей и повседневности, которые происходят в жизни мигранток в стране пребывания, в существующих исследованиях показаны лишь фрагментарно.

Мое исследование посвящено миграции украинок в Италию. До середины 1990-х годов в Италии не было украинской диаспоры, эта страна не являлась целевой для украинцев во время предыдущих миграционных волн. Основная волна массовой женской миграции в Италию приходится на начало 2000-х годов. Сегодня здесь работает 240 тысяч официально зарегистрированных украинцев, 80% которых составляют женщины (Caritas Italiana 2015). За неполные двадцать лет именно украинская женская комьюнити стала первой по численности среди иммигрантских групп и четвертой по масштабам в общей иммигрантской картине.

Названные мигрантские женские сообщества представляют интерес для исследования, во-первых, в связи с трансформациями повседневности украинок в процессе интериоризации ими новых ценностей и практик в стране пребывания. Миграция становится для большинства из них опытом развития субъектности, расширения внутренней и внешней свободы, источником новой самоидентификации в различных социальных контекстах.

Во-вторых, эти процессы позволяют проследить изменения национальной идентичности мигранток: прожившие большую часть жизни в УССР¹, в стране пребы-

¹ Основную часть всех украинских мигранток в Италии составляют женщины, родившиеся в 1950–1970 годы, то есть в то время, которое пришлось на реализацию «советского проекта» (Одинец 2015а).

вания они оказались в ситуации выбора и осознания своей украинской (или какой-либо другой) национальной идентичности. Исследование украинских мигранток в Италии позволяет проследить, что происходит с женщинами (переехавшими в основном из деревень и маленьких городов) в транснациональных социальных пространствах (Faist 2000), как миграции влияют на их национальное самоопределение в стране пребывания, какие гражданские процессы активизируются в этом опыте.

В этой статье я намерена показать, как украинские мигрантки *определяют/создают дом* в транснациональных социальных полях. Меня также интересует, с помощью какого символического материала мигрантки конструируют дом как *свой*, как происходит соотношение *домов* в их транснациональном опыте, какими новыми смыслами они их наделяют и почему.

Основой моего исследования являются собственные полевые материалы: 60 глубоких полуструктурированных интервью с украинскими мигрантками, записанные в Италии (во время двух экспедиций: Флоренция, Падуа, Венеция, Рим – июль и август 2012 года; Флоренция – июнь и июль 2013 года) и в Украине (Львов, Киев – июль–ноябрь 2014 года)². Кроме того, в работе использованы интервью с итальянскими и украинскими экспертами – гражданскими деятелями, аналитиками, учеными, священниками Украинской греко-католической церкви (УГКЦ), работниками благотворительных организаций, банковскими служащими из обеих стран.

НУЖЕН ЛИ ИМ ДОМ?

Так называемая четвертая волна украинской миграции в сравнении с предыдущими (1890–1914, 1919–1939 и 1945–1954 годы) характеризуется рядом отличий. Прежние мигранты, покидая страну и дом, где они родились и выросли, оказывались в другом, совершенно новом «мире», который с их старым домом связывали только письма (если переписка с ними не была запрещена советскими властями). Воспроизводство дома на новом месте требовало специальных усилий и являлось отдельной задачей. Как отмечает Игорь Марков (2012), предыдущие волны миграции украинцев в Канаду, Бразилию, Аргентину предполагали перемещение в пространстве не только самого человека, но и всей его/ее семьи, их «среды происхождения», моделей общения, поведенческих норм, традиций, одежды и даже сельскохозяйственного инвентаря (особенно во время первой волны миграции украинцев в 1890–1914 годах).

² Большинство украинок эмигрировали в Италию в возрасте старше 40 лет. Это преимущественно замужние, но живущие годами на расстоянии с мужьями (иногда миграционный проект является фактическим разводом, который не оформляется юридически), или разведенные женщины. Практически у всех мигранток есть дети, и после легализации женщины часто забирают их в Италию; образование – преимущественно высшее (как правило, педагогическое и медицинское), иногда – среднее специальное, но не ниже. Большинство женщин до миграции работали в сфере здравоохранения или образования. Регион происхождения большинства мигранток – Западная Украина, хотя среди моих информанток были также женщины с Восточной и Центральной Украины, чаще из маленьких городов и деревень; почти треть моих информанток – жительницы больших городов. В Италии они работают в сфере ухода за пожилыми людьми или детьми.

Современные украинские женщины-мигрантки стремятся совмещать социальные контексты страны пребывания и страны происхождения, продолжая и поддерживая отношения с детьми, партнерами, родителями, которые остались в Украине. По сравнению, например, с мигрантками из Молдавии, которые эмигрируют в страны Западной Европы в достаточно раннем возрасте (в среднем в 26 лет) и целенаправленно интегрируются с целью там остаться (Marchetti and Venturini 2013), украинки (особенно выехавшие в начале 2000-х годов в возрасте старше 40 лет) подчеркивают в своих индивидуальных нарративах, что эта миграция является «заробітчанством»³, то есть временным проектом с неопределенной продолжительностью. В то же время, рассматривая миграцию последних двадцати лет, можно отметить, что, несмотря на риторику «обязательного возвращения», часть женщин инвестируют в интеграцию в Италии как в свой реальный жизненный проект (например, через покупку жилья или переезд детей из Украины для учебы в итальянских университетах). Таким образом, можно говорить об амбивалентности восприятия собственного миграционного проекта украинками, которые эмигрировали из Украины в возрасте свыше 40 лет. Из своих полевых исследований 2012–2013 годов в Италии я могу привести следующий пример такой амбивалентности: священник одной украинской греко-католической парашии во Флоренции не мог зарегистрировать свою парашию официально в местном муниципалитете из-за того, что его прихожане из года в год говорили, что не собираются надолго задерживаться в Италии, что они приехали только на «год-два», между тем их «временное» пребывание продолжалось обыкновенно более десяти лет. В таком «постоянно-временном» миграционном проекте украинки не только живут в Италии, поддерживая социальные и экономические связи с Украиной на расстоянии, но и активно курсируют между Украиной и Италией, уезжая и возвращаясь по несколько раз за год, пытаясь тем самым утвердить свои социальные позиции в двух странах одновременно. Фактически обе страны включены в их формат *дома* и потенциальной среды для самоутверждения и получения социального капитала.

Украинский кейс не уникален. Как и многие другие женщины-мигрантки в мире, украинки в одной стране зарабатывают, а в другой – тратят деньги, в одной являются активными профессиональными субъектами (пусть и преимущественно в сфере низкоквалифицированного труда), в другой – воспитывают детей (Passerini 2007:5).

Возникают вопросы: как им это удастся и где же все-таки они больше *дома*? В этой статье я рассматриваю понятие *дом* не только в узком смысле (как физическое пространство), но и как символическое место/пространство, которое мигрантки воспринимают как *свое* и осваивают через многочисленные символические практики. Существует ли конфликт между *доми* в разных странах, и если существует, то как он разрешается? Всегда ли мигрантки актуализируют свое понятие дома через дихотомию «физического» и «символического»?

³ Заробітчанство (укр.) – миграция с целью заработка.

В рамках антропологии мобильностей проблема связи между идентичностями и местом, практиками и смыслами принадлежности к определенному пространству широко дискутируется (Proshansky, Fabian, and Kaminoff 1983; Hidalgo and Hernandez 2001; Bon and Repič 2016). В транснациональной перспективе реальный дом не просто может являться, но уже является прежде всего местом отношений. Поэтому дом в пространстве и времени может быть постоянно *переоткрыт*, *пересоздан*, а освоение дома происходит через его социальное конструирование и взаимодействие с другими людьми.

Рассматривая миграции женщин из Средней Азии в Россию, Ольга Бредникова и Ольга Ткач в статье «Дом для Номады» задают концептуально интересные вопросы: «переезжает» ли *дом* вслед за мигрантом, или же он «множится»? какими смыслами и символическими значениями он наделяется в новых контекстах? (Бредникова и Ткач 2010). Авторы так отвечают на поставленные вопросы: концепция дома как частного пространства для мигранток изменена или вообще подорвана, а сам дом «делокализован, но все же он есть» (Бредникова и Ткач 2010:91), и причиной этого, по их мнению, является то, что мигрантки не связывают свое место проживания с долгосрочными жизненными проектами. Их новый дом в миграции существует «не для возвращения, но для выхода из него» (92), так как «для женщин из постсоветских государств мобильность, миграция оказывается радикальным опытом независимости, в определенном смысле стихийным феминистским проектом» (74), который позволяет им выйти из традиционного консервативного уклада в современный контекст. В случае украинских женских миграций в Италию мы можем также наблюдать, как миграция становится импульсом и пространством для «стихийного» феминистского проекта, но культурное конструирование *дома* у украинок и женщин из Средней Азии (как носителей давней кочевой традиции) существенно отличается.

В своем исследовании я использую предложенное Билом Ричардсоном определение дома как «морального пространства», которое «артикулирует с одинаковой интенсивностью и персональное отношение к актуальной физической локации, и набор значений относительно инклюзивности, сдерживания и сообщества» (Richardson 2015:178).

Как указывала Элизабет Бронфен, «дом» – это скорее вымышленное, чем реально существующее место. Таким образом, дом может быть понят как «символическая фантазия» (symbolic fiction), которая определяет наше отношение к внешнему миру (Bronfen 2004:15). Этот подход может быть полезным в осмыслении украинского женского опыта в Италии, но не ключевым, так как украинские женщины в большинстве имеют очень конкретное, материализованное представление о *доме*, и именно вокруг *дома* (покупки нового жилья или ремонта существующего) часто начинается их многолетний миграционный проект. По моим наблюдениям (речь идет именно о включенном наблюдении, я гораздо меньше слышала это в нарративах), пересечение и взаимное наложение физического и символического *домов* в опыте украинских мигранток происходит постоянно и в разных формах.

ДОМ В ПЕРВИЧНОМ МИГРАНТСКОМ ОПЫТЕ: ВАРИАНТЫ ФИЗИЧЕСКИХ ЛОКАЦИЙ

Понятие *дома* как своего личного пространства начинает фигурировать в нарративах женщин практически сразу, в самом начале интервью. Так, одной из основных причин выезда для сотен тысяч женщин часто была необходимость приобретения собственного жилья или увеличение площади имеющегося (Одинец 2015а). Вследствие социальной политики в СССР информанткам в начале 1990-х часто приходилось жить в общежитиях, вместе с родителями и/или с подрастающими детьми. У них могли быть собственные небольшие квартиры, в которых всегда было весьма ограниченное пространство для членов семьи. Если отношения с мужем ухудшались, у женщины, как правило, не оставалось никаких запасных вариантов, кроме как переехать к родителям, и чаще всего – в деревню или маленький городок, где проблема трудоустройства, заработков и возможностей для самореализации в 1990-е годы стояла особенно остро.

Перед миграцией украинки имели весьма смутное представление о том, где и как они будут жить и работать в Италии. Самым распространенным способом миграции в Италию была туристическая поездка. Женщины, прожившие всю жизнь в своем населенном пункте, вовсе без или с очень низким опытом мобильности (в лучшем случае это были короткие поездки в Киев и в Польшу/Чехию/Россию в качестве «челночных» мигранток в начале 1990-х), пересекали границу как туристки, оставляя мужа, родителей и детей в Украине. После нескольких дней в статусе туристки украинки оставались в Италии уже в неурегулированном статусе, и, как свидетельствуют интервью, в начале 2000-х годов многие из них голодали, ночевали под открытым небом в парках или на улицах. Так могло продолжаться от нескольких дней до нескольких недель, до того момента, когда женщина получала какую-либо помощь от мигранток, приехавших раньше. Это могла быть работа, информация о которой распространяется в мигрантских социальных сетях, или информация об адресе римско-католической благотворительной организации «Каритас», где можно было получить бесплатную еду и постель.

Труд домашней работницы (основной способ трудоустройства для украинских мигранток в Италии) предусматривает широкий спектр обязанностей – от компаньонки до ночной сиделки, он может включать уборку, приготовление еды, присмотр за детьми и т. п. Часто такая работа предполагает проживание в одном доме (квартире) с работодателем. Если женщина нанята для присмотра за лежащим больным, ее рабочий день составляет практически 24 часа в сутки. Это существенно повышает риски физического переутомления и психологического истощения, а также сексуального насилия над женщиной, особенно если учитывать, что на старте миграции, в первые 2–3 года, все без исключения информантки работали в Италии нелегально. Но даже после легализации многие женщины соглашались на работу, которая предполагает проживание в доме (квартире) работодателя. Это позволяет им экономить на аренде жилья и питании, хотя и за счет психологических затрат. Фактически их работа и отдых, рабочее и личное пространства пересекаются и накладываются друг на друга (Fedyuk 2011).

Меньшая часть информанток спустя 2–3 года, получив разрешение на проживание и работу, арендуют собственное жилье (как правило, маленькую комнату) и переходят на другую работу, например, на уборку «по часам» в офисах или квартирах. В таком формате сегодня работают те женщины, которые забрали семью из Украины в Италию, а также те, кто нацелен на продолжение своей миграции. Они ценят свое свободное время, используя его для учебы в университетах, колледжах или для общения с близкими.

Таким образом, основные места, где живут мигрантки, – это дом работодателя или арендованные комната/маленькая квартира. Реже – арендованная полноценная квартира, где женщина проживает вместе с детьми, а иногда даже внуками или мужем, которых она привезла из Украины в Италию. В других случаях – это дом нового мужа (если женщина вышла замуж за итальянца или иностранца, проживающего в Италии). Несмотря на то, что в последние годы в связи с увеличивающимся количеством продолжительных миграционных проектов все больше женщин покупают или планируют купить собственное жилье в Италии (как правило, в кредит), эта группа весьма немногочисленна.

ДВИЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ В ПОЛЬЗУ ВРЕМЕНИ

В первые годы за границей практически все информантки получали новый для себя опыт *одиночества*: они оказывались в условиях ограниченных социальных связей, минимизированной коммуникации, чему часто сопутствовал нелегальный статус пребывания в стране (особенно в случае получения первой работы на островах). Особенно сложным этот опыт был для мигранток из сел и маленьких городов, где женщина, живущая одна, воспринимается как неудачница и где такой образ жизни не интерпретируется как результат свободного выбора. Для многих это актуализировало переживание собственной индивидуальности, рефлексирования агентности и послужило импульсом для (иногда) достаточно радикальных жизненных изменений. Именно в этой новой социальной ситуации мигрантки начинали формулировать те жизненные и личностные вопросы, которые до миграции актуализированы не были. Среди таковых – вопросы о самоопределении, своих социальных ролях, отношениях с другими людьми. Даже те мигрантки, которые свое многолетнее пребывание в Италии воспринимают как зарабатывание денег, признаются, что сегодня речь идет о более серьезных жизненных мотивах. Говоря о том, «куда» возвратиться (в случае принятия такого решения), многие женщины (особенно старше 50 лет) имеют в виду «к кому». Рассказывая о разнице жизни в двух странах, мигрантки акцентируют внимание прежде всего на возможностях личного развития и улучшении качества жизни. Однако многие женщины максимально отстраняются от рассуждения на эту тему.

На основе своего этнографического исследования я выделяю три основных модели *дома*, которые можно проследить в миграционных сценариях украинок в Италии, и пытаюсь исследовать факторы, которые влияют на формирование отличий между ними.

ДОМ ПЕРЕСОЗДАВАЕМЫЙ

Первая группа – это женщины, которые приняли решение остаться в Италии. Как правило, это украинки возрастной категории 35–45 лет, с высшим образованием, до миграции – учительницы, врачи, менеджеры, журналистки. Среди этих мигранток больше незамужних женщин или таких, кто приехал в Италию, будучи замужем, но позже развелся и создал новую семью в Италии. Если актуальный семейный статус или существующие отношения их не удовлетворяют, они активно пытаются это изменить. Работают они в тех же сферах: уход за пожилыми людьми, помощь по хозяйству, уборка офисов или квартир, но есть и примеры действия социальных лифтов, когда женщины нострифицируют свои дипломы или получают новые в Италии, а затем переходят на работу в сферу более высококвалифицированного труда. Некоторые из них уже купили квартиру в Италии или намерены это сделать.

Что касается эмоциональной сферы, то большинство женщин из этой группы не говорят прямо, что в Италии они чувствуют себя «как дома», они, скорее, подчеркивают, что, несмотря на все свои интеграционные усилия, чувствуют себя в Италии «в гостях». Однако они планируют продолжать жить здесь и инвестировать в интеграцию именно в этой стране.

Таким образом, речь идет о вложении капиталов в процесс *создания* символического *дома* там, где женщины нацелены реализовать свой актуальный жизненный проект. Делают они это чаще всего через расширение социальных коммуникаций, получение новых практик и знаний, то есть через увеличение своего культурного капитала. Свой выбор остаться в Италии они объясняют как попытку дистанцирования от консервативных социальных норм в Украине, где наличие семьи, детей и традиционные ценности для женщины ставятся гораздо выше, чем карьера и профессиональная реализация. В Италии они видят для себя больше вариантов профессионального и личностного развития, чем в Украине:

Здесь я чувствую себя человеком. Без помощи, без плечей, без итальянца я встала на ноги. То есть без какой-либо помощи.... Меня уважают за то, что я знаю, за мое образование в Украине, не признанное в Италии.... Здесь я наконец-то могу делать то, что хочу, и быть, кем я являюсь. Дома [в Украине] меня только спрашивали, когда уже замуж ⁴ (Мария, 41 год, Флоренция, в миграции 6 лет, до выезда – учительница младших классов).

Украинский *дом* проблематизируется в этой группе гораздо меньше. Украина является для этих женщин родиной и местом, где живут их родители, куда они высылают деньги и куда приезжают в отпуск, но через Украину не проходит их «линия разрыва», как это бывает в случае между матерями-мигрантками и их несовершеннолетними детьми, оставленными бабушкам.

⁴ Это и все последующие интервью были записаны на украинском языке, а для настоящей статьи специально переведены на русский. Все интервью хранятся в полевом архиве автора.

ДОМ РАЗДЕЛЕННЫЙ

Вторая группа – самая многочисленная – женщины старше 45 лет, с высшим или средним специальным образованием, чаще – жительницы маленьких населенных пунктов. Они пытаются жить «между» двумя странами и в обеих странах одновременно. Причиной этому, по моим наблюдениям, является отказ от окончательного выбора, уход от него. В свою очередь, причину такого отказа женщины практически не проговаривают. В этой группе лучше всего можно проследить амбивалентность между освоением и пониманием *домов* в Украине и Италии. Их декларируемые цели выезда («на заробітки»), как и в первой группе, также привязаны к оплате образования для детей, покупке нового жилья или автомобиля. Именно через поиск ответа на вопросы «где быть?» и «где мой дом?» активизируется их субъектность и происходит осмысление их социальных отношений с другими людьми:

Дом ведь ... – это не только стены, это прежде всего люди, отношения, близость. Мне кажется, что я специально здесь так давно и долго, чтобы не решать этих своих семейных проблем. Муж пил, потом поехал в Чехию на работу, но ничего оттуда не присылал. Туда вернусь, но тут [в Италии] я сейчас живу. Конечно, там, *в Украине дом должен быть, там я родилась и там следует умирать*, но пока я еще могу работать, я здесь (Марина, 49 лет, Рим, в миграции 10 лет, до выезда работала воспитательницей в детском саду).

Их дома в Украине и в Италии – это *разделенные* дома, это как будто один дом, разделенный на две неравномерных части. Объяснением такой раздвоенности могут быть более глубокие социальные причины. Вопреки сложившемуся мнению женская миграция в Италию – это миграция «бабушек» (Solarì 2011), а не «матерей». В свои 40+ они уже нередко имеют внуков (учитывая, что средний возраст женщин, рожавших первого ребенка в Украине в начале 2000-х годов, – 22 года). Кроме социальной роли бабушки, в Украине женщины этого возраста приравниваются к «бабушкам» и дискурсивно, то есть оказываются вне карьеры и возможностей для самореализации. Они втянуты в репродуктивную сферу: в рамках постсоветских гендерных контрактов (Utrata 2008; Zdravomyslova 2010) чаще всего от них ожидается именно ролевое поведение «бабушки» или образ жизни «бабушки», которой на уровне массового восприятия «становится» каждая женщина после 40 лет. Можно предположить, что в сельской местности и в маленьких городках женщины этого возраста социально стигматизированы еще сильнее, чем в больших городах. В любом случае, потеря работы в начале 2000-х на постсоветском пространстве для многих повлекла за собой трансформации жизненного уклада (Ashwin 2004; Нрусак 2011). Для жительниц маленьких населенных пунктов это событие (потеря работы) стало одним из основных экономических импульсов миграции.

Таким образом, перемещаясь в пространстве, эти женщины движутся во времени благодаря различиям социального возраста и нормативности социальных ролей в Италии и Украине. Мигрируя, женщины, профессиональная реализация и возможность трудоустройства которых дома ограничены, вдруг попадают в обще-

ство, где социальные рамки возраста гораздо шире и существует гораздо больше социальных ролей, которые они могли бы апроприировать:

Сейчас я понимаю для себя, что в Украине у меня не было бы возможности быть в таких обстоятельствах, проявить себя как человек, как личность в сложных обстоятельствах, у меня бы не было возможности.... Я сама вижу то, что не надеялась видеть. Моя среда здесь – преподаватели университетов, экономисты, банкиры, и все это – женщины моего возраста, которые умеют жить, а не только мучиться. В Украине на меня смотрели как на «отработанный материал», и это – в моем возрасте (Олена, 43 года, Падуя, в миграции 8 лет, до выезда работала в банке, попала под сокращение).

Несмотря на то, что миграция смещает для этих женщин пространство самоопределения, они не готовы к резкому разрыву связей с Украиной, что не в последнюю очередь связано с возрастом и низкой оценкой собственного социального капитала. Этот миграционный проект Франческа Вианелло называет «подвешенным» (*suspended migrants*): мигрантки возвращаются в Украину, часто – по просьбе детей или мужа, но не исключают, что могут опять выехать в Италию (Vianello 2014), и чаще всего так и поступают.

Еще одной причиной активного поддержания связей с Украиной оказывается то, что Рейсел Салазар Пареньяс наблюдает в филиппинской женской миграции: основные эмоциональные связи этих женщин, несмотря на длительность пребывания за границей, остаются все-таки с теми, кто проживает в стране происхождения (Parreñas 2008). Вианелло, которая исследовала мужскую миграцию из Алжира, для интерпретации подобной ситуации использует предложенный Эммануэль Саада (Saada 2000) концепт «двойного отсутствия» (*double absence*). Мигранты оказываются в положении обязанных присутствовать и в семье в одной стране, и на работе в другой стране. Семья ожидает от них (или же они ожидают этого сами от себя), что они будут присутствовать там, где их нет физически, и в то же время будут продолжать присутствовать там, где они фактически находятся. Вианелло считает, что украинские мигрантки скорее «одновременно присутствуют» (и в Италии, и в Украине) прежде всего благодаря своим финансовым и социальным вкладам, которые циркулируют через границы в транснациональных украинско-итальянских миграциях (Vianello 2014:86). За счет денежных переводов мигрантки увеличивают влияние и авторитет в оставленных в Украине семьях (Fedyuk 2011; Marchetti and Venturini 2013). Психологически они часто продолжают чувствовать большую ответственность за тех, кто остался в Украине, переживают чувство вины за свое отсутствие и часто высылают деньги даже дальним родственникам, не говоря уже о детях.

Ну, что? Детей я выучила, сыну хату купила. Теперь тут работаю.... Очень берегу свое «пермессо» [итал. – разрешение на проживание и работу], чтобы быть спокойной. Я уже и в Испании поработала. Каждый отпуск еду, куда хочу – Австрия, Франция, Египет. Иногда хочу уже не работать, но нет... Кинуть все тоже нехорошо. Знаю одно: вернуться в Украину для меня – не вариант.... *И потому мы все шлем, шлем своим в Украину деньги, чтобы как-то*

легче было, нам самим чтобы легче думалось... (Оксана, 56 лет, Рим, в миграции 13 лет, до выезда работала медсестрой).

В то время когда они временно находятся в Украине, мигрантки поддерживают связь с коллегами, знакомыми, друзьями в Италии и очень следят за тем, чтобы их разрешение на проживание и остальные документы были в порядке. Даже потеряв работу в Италии, они, как правило, возвращаются в Украину только на праздники, а в Италии продолжают жить за счет социальной помощи и даже из этих средств еще кое-что высылают домой.

Другая часть мигранток (чаще всего это женщины старше 60 лет), вернувшись в Украину «навсегда», довольно быстро снова выезжают в Италию, «пока еще могут работать». В интервью они объясняют это тем, что в Украину «приедут умирать, когда уже не будет сил работать» (Мирослава, 67 лет, Флоренция, в миграции 12 лет). Все свои сбережения они инвестируют в покупку собственного жилья именно в Украине.

Для этой категории женщин мобильность является уже значимым личным ресурсом, от которого они не готовы отказаться. При этом мигрантки говорят о своем ощущении культурного и социального разрыва или конфликта со средой и страной происхождения, и прежде всего – в повседневных практиках. Некоторым из них возвращение в Украину кажется шагом назад:

Я в Украине не встречала плохих людей..., но было много хамства. Италия дала мне ощущение самостоятельности, много что можно решить, смотреть на мир другими глазами. Вот, приехала я на праздник к подруге, в ресторан в Украине, и не понимаю – зачем столько есть, столько алкоголя? У нас в Украине был этот комплекс – как приготовила, как подала, как оделась, и все на тебя смотрят. А тут эти наши женщины уже об этом не думают, уже без этих комплексов, люди чувствуют себя свободнее (Ирина, 52 года, Флоренция, в миграции 8 лет, до миграции работала врачом в областной больнице).

Миграция для этих женщин, как и для женщин из первой категории, является способом частичного дистанцирования от мировоззренческих и ценностных конфликтов в Украине, а также от неудовлетворительных проблемных отношений. Так, выезд на работу в Италию является фактическим разрывом брака, который они не оформляют юридически из-за страха осуждения в их социальной среде, и еще больше – из-за запрета разводов греко-католической церковью, прихожанами которой являются большинство украинок из Западной Украины.

ДОМ ПОТЕРЯННЫЙ

Женщины-мигрантки из третьей группы, как удачно охарактеризовала их одна из информанток, «работают в Италии, но не живут». Это, как правило, женщины старше 55 лет, со средним или средним специальным образованием, из маленьких населенных пунктов. Их место проживания в Италии обычно – комнатка в доме работодателя. Нередко они уже приобрели квартиру в Украине. Их основная цель – выслать в Украину как можно больше денег, и эта тенденция сохраняется не только в первые годы миграции, но и гораздо позже, даже через 10–12 лет. Они

экономят на самом необходимом, максимально ограничивая себя ради возможности содержать детей (нередко – уже взрослых), которые живут в Украине. Олена Федюк показывает, что эти мигрантки часто сильнее заинтересованы в своих родственниках в Украине, чем те в них (Fedyuk 2011). Члены семьи не всегда даже знают, где работает их родственница-мигрантка в Италии и какую работу выполняет. Привнесенные социальные капиталы и денежные средства обеими сторонами наделяются большей ценностью, чем физическое присутствие мигрантки дома, и тем более – ее отсутствие.

Они никогда не покупают собственное жилье в Италии. Такие женщины с меньшим опытом субъективизации описывают свою жизнь в Италии исключительно как место заработка, но в этой декларации часто слышно свидетельство об эмоциональной *потере* единственного *дома*, который понимается как конкретное физическое пространство, где живет семья. Они плохо интегрированы, мало знают итальянский, для них характерна низкая социальная адаптация: даже в собственном жилом районе они часто ориентируются очень слабо.

В исследовании мобильных американцев Ли Куба и Давид М. Хаммон показали, что восприятие дома отличается прежде всего в зависимости от возраста: для молодых дом как свое пространство неразрывно связан с ощущениями, эмоциями, чувствами и отношениями, для старших американцев дом – это прежде всего конкретное место, физически существующее, куда можно всегда вернуться и с которым у них связан предшествующий опыт (Cuba and Hummon 1993). Среди украинских мигранток также можно наблюдать эту тенденцию:

Я чувствую деградацию, итальянский уже плохо дается, да я и не учила его, чувствовала, что мы здесь ничего не достигнем. Подруги в Украине преподают, занимаются любимым делом..., но я не обижаюсь на жизнь, сама все выбрала. Я могу вернуться в Мукачево, где у меня есть квартира, и мой дом, стены, соседи, но где я там буду работать, с кем жить? Тут мы всегда чужие, но дома, кажется, тоже..., просто по-другому (Неля, 62 года, Рим, в миграции 11 лет, до выезда работала в районном музее).

У этой категории мигранток мало веры в то, что они могут чем-то быть еще полезны в Украине. Прежде всего из-за нормативной инфляции их возраста на родине, а также из-за охлаждения эмоциональных связей с детьми. Они живут мыслями об Украине и включенностью в свою семью: «Все наши мысли – дома, все года там думаем, как помочь. Хорошо, что у меня есть скайп – просто смотрю, как дети пройдут по квартире, и это уже радость» (Мирослава, 60 лет, в миграции 9 лет, до выезда – после сокращения на работе в 1990-е годы – была домохозяйкой).

АПРОПРИАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО

Для всех трех групп общими являются способы маркирования своего приватного пространства – прежде всего комнаты, где они спят: это символика украинского государства – сине-желтый флаг, фотографии Майданов (Оранжевой революции

2004–2005 годов и Революции достоинства 2013–2014 годов), фотографии из зоны АТО⁵ и иконы. Рядом – фотографии родных, которые проживают в Украине или воюют в зоне АТО. Презентация себя в социальном пространстве через маркеры украинской культуры и традиций является очень важным способом самоидентификации в среде мигранток, проживающих в Италии последние 15 лет (Одинець 2015б). Мигрантки подчеркивают (и очень часто поддерживают на практике) свою постоянную связь с воображаемым и реальным *украинским* сообществом, на протяжении всех лет миграции:

Знаете, что во мне изменилось в эти года? Моя сестра мне прямо сказала: «Ты стала такой украинкой! С чего бы вдруг?». То есть я почувствовала в себе такое влечение ко всему нашему, украинскому, как сумасшедшая бегала по Каменцу и покупала вышиванки, какие-то браслеты, кулоны с украинской символикой, куклу-мотанку. Я бы никогда на это все не обратила внимание в Украине. Ну, и в Италии стала лучше говорить по-украински. То есть тут какая-то моя идентификация с этносом очень обострилось. Если в Украине это было непонятно что, то здесь я поняла, что я – украинка (Олена, 43 года, Падуя, в миграции 8 лет, до выезда работала в банке, попала под сокращение).

Важно отметить, что дополнительным эмоционально ресурсным местом для мигранток из Западной Украины, которое они понимают как свое, является греко-католическая парафия. Сюда они приходят каждое воскресенье, здесь проводят свободные от работы часы, и это то место, которое, по словам одной мигрантки, воспринимается как «эмоциональное убежище»: «Я привыкала здесь через нашу церковь. Ох, и тяжело было [*плачет*], ходила на работу – и сразу сюда. Тут литургия, а потом и некуда деться. Так и сидим тут зимой, когда холодно и некуда пойти, а если нет, то в парке сидим, парк – еще не самый плохой вариант» (Орыся, 57 лет, Венеция, в миграции 12 лет, до миграции жила в деревне, занималась домашним хозяйством). Священники, зная об этом, инициировали воскресные обеды после литургии: женщины сами готовят обед и общаются.

ВЫВОДЫ

В современных транснациональных миграциях наличие и ощущение *дома* как своего пространства для украинок является одним из ключевых. Именно покупка нового жилья во многих случаях являлась причиной женской миграции в Италию. На протяжении 10–15 лет работы в Италии большинство женщин реализовали эту цель, но не вернулись в Украину. После улучшения своих жилищных условий (покупки в Украине дома или квартиры, которые чаще всего стоят закрытыми), мигрантки осознают свой *дом* как символическое пространство. Они соотносят свою

⁵ АТО (Антитеррористическая операция) – комплекс специальных действий со стороны украинской армии, направленных на противодействие незаконным российским и пророссийским вооруженным формированиям на востоке Украины во время российской вооруженной агрессии 2014–2017 годов в зоне Луганской и Донецкой областей.

миграционную траекторию с разными социальными пространствами, и этот процесс тесно связан с развитием их субъектности, переосмыслением личных жизненных траекторий и социальных отношений.

Большинство женщин живут в амбивалентном понимании своего *дома*, с одной стороны, воспринимая миграцию как временный проект, который длится иногда почти 20 лет, с другой – не работая над целенаправленной интеграцией в Италии. Это свидетельствует о том, что они не перестают *выбирать Украину* как место своего проживания, но в максимально далеком будущем. Значительно меньше женщин-мигранток интегрируются в Италии, выбирая именно итальянский *дом* как свой и презентуют это как свой новый жизненный проект.

Можно выделить три основных понимания своего пространства и конструирования дома: *дом пересоздаваемый*, *дом разделенный* и *дом потерянный*. Если для первой и частично для второй группы выбор пребывания в Италии связывается с новыми возможностями и бонусами мобильности, то для третьей группы он означает потерю связей, свободы действий и, как следствие, психологическую нестабильность. Эти женщины видят себя жертвенными матерями для семьи, в которую они хотели бы вернуться, но не возвращаются. Нередко они акцентируют внимание на том, что их физическое отсутствие дома дает им возможность гораздо лучше быть вовлеченными в жизнь их родных, и их *труд* свидетельствует, по их собственным словам, как раз о большем *присутствии* в семье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бредникова, Ольга и Ольга Ткач. 2010. «Дом для Номады». *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 3:72–95.
- Марков, Игор. 2012. «Особливості соціальних ідентичностей сучасних українських мігрантів у країнах». *Народознавчі зошити* 2:256–260.
- Одинець, Світлана. 2015а. «Українські мігрантки в Італії: соціально-демографічний портрет й основні фактори міграційного процесу у перспективі останнього десятиліття». *Народознавчі зошити* 4:600–607.
- Одинець, Світлана. 2015б. «Українськість у дії: репрезентації етнічної та національної ідентичностей в транснаціональному середовищі українських мігранток в Італії». *Народознавчі зошити* 6:1435–1447.
- Рязанцев, Сергей и Марина Ткаченко. 2008. *Трудовая миграция женщин из России: выезд, трудоустройство и защита прав*. М.: Наука.
- Ткач, Ольга и Майда Хрженяк. 2016. «Оплачиваемый домашний труд в постсоциалистических контекстах: региональные особенности глобального феномена. Введение». *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 8(3):15–27.
- Ashwin, Sarah, ed. 2004. *Adapting to Russia's New Labour Market: Gender and Employment Behaviour*. London: Routledge.
- Bon, Nataša Gregorič, and Jaka Repič, eds. 2016. *Moving Places: Relations, Return and Belonging*. New York: Berghahn Books.
- Bronfen, Elisabeth. 2004. *Home in Hollywood: The Imaginary Geography of Cinema*. New York: Columbia University Press.
- Caritas Italiana. 2015. *Povert. plurali: Rapporto 2015 sulla povert. e l'esclusione sociale*. Retrieved July 19, 2018 (http://www.caritasitaliana.it/materiali/Pubblicazioni/libri_2015/Rapporto_Poverta/RapportoPoverta_2015_web.pdf).
- Cuba, Lee, and David M. Hummon. 1993. "A Place to Call Home: Identification with Dwelling, Community, and Region Source." *The Sociological Quarterly* 34(1):111–131.

- Faist, Thomas. 2000. "Transnationalization in International Migration: Implications for the Study of Citizenship and Culture." *Ethnic and Racial Studies* 23(2):189–222.
- Fedyuk, Olena. 2011. "Beyond Motherhood: Ukrainian Female Labor Migrants to Italy." PhD dissertation, Department of Sociology and Social Anthropology, Central European University.
- Hidalgo, M. Carmen, and Bernardo Hernandez. 2001. "Place Attachment: Conceptual and Empirical Questions." *Journal of Environmental Psychology* 21(3):273–281.
- Hochschild, Arlie R. 2000. "Global Care Chains and Emotional Surplus Value." Pp. 130–146 in *On the Edge: Living with Global Capitalism*, edited by Anthony Giddens and Will Hutton. London: Vintage.
- Hondagneu-Sotelo, Pierrette, and Ernestine Avila. 1997. "I'm Here, but I'm There: The Meanings of Latina Transnational Motherhood." *Gender and Society* 11(5):548–571.
- Hrycak, Alexandra. 2011. "Women as Migrants on the Margins of the European Union." Pp. 47–64 in *Mapping Difference: The Many Faces of Women in Contemporary Ukraine*, edited by Marian J. Rubchak. New York: Berghahn Books.
- Kofman, Eleonore. 1999. "Female 'Birds of Passage' a Decade Later: Gender and Immigration in the European Union." *International Migration Review* 33(2):269–299.
- Lutz, Helma. 2012. "Care Workers, Care Drain, and Care Chains: Reflections on Care, Migration, and Citizenship." *Social Politics: International Studies in Gender, State, and Society* 19(1):15–37.
- Marchetti, Sabrina, and Alessandra Venturini. 2013. "Mothers and Grandmothers on the Move: Labour Mobility and the Household Strategies of Moldovan and Ukrainian Migrant Women in Italy." *International Migration* 52(5):111–126.
- Näre, Lena. 2007. "Ukrainian and Polish Domestic Workers in Naples: A Case of East-South Migration." *MigrationOnline.cz*, January. Retrieved June 9, 2018 (https://aa.ecn.cz/img_upload/3bfc4ddc48d13ae0415c78ceae108bf5/LNare_UkrainianandPolishDomesticWorkersinNaplesACaseofEast_1.pdf).
- Parreñas, Rhacel Salazar. 2001. *Servants of Globalization: Women, Migration, and Domestic Work*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Parreñas, Rhacel Salazar. 2008. *The Force of Domesticity: Filipina Migrants and Globalization*. New York: New York University Press.
- Passerini, Luisa. 2007. *Women Migrants from East to West: Gender, Mobility and Belonging in Contemporary Europe*. New York: Berghahn Books.
- Piperno, Flavia. 2012. "The Impact of Female Emigration on Families and the Welfare State in Countries of Origin: The Case of Romania." *International Migration* 50(5):189–204.
- Proshansky, Harold M., Abbe K. Fabian, and Robert Kaminoff. 1983. "Place-Identity: Physical World Socialization of the Self." *Journal of Environmental Psychology* 3(1):57–83.
- Rao, Nirmala. 2012. "'I Want to Be Respected': Migration, Mobility, and the Construction of Alternate Educational Discourses in Rural Bangladesh." *Anthropology and Education Quarterly* 43(4):415–428.
- Richardson, Bill, ed. 2015. *Spatiality and Symbolic Expression: On the Links between Place and Culture*. New York: Palgrave Macmillan.
- Saada, Emmanuelle. 2000. "Abdelmalek Sayad and the Double Absence: French Politics." *Culture and Society* 18(1):28–47.
- Solari, Cinzia. 2011. "Between 'Europe' and 'Africa': Building the New Ukraine on the Shoulders of Migrant Women." Pp. 24–45 in *Mapping Difference: The Many Faces of Women in Contemporary Ukraine*, edited by Marian J. Rubchak. New York: Berghahn Books.
- Utrata, Jennifer. 2008. "Babushki as Surrogate Wives: How Single Mothers and Grandmothers Negotiate the Division of Labor in Russia." Program in Soviet and Post-Soviet Studies, Working Paper Series, Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies, UC Berkeley. Retrieved June 9, 2018 (<https://escholarship.org/uc/item/3b18d2p8>).
- Vianello, Francesca A. 2014. "Ukrainian Migrant Workers in Italy: Coping with and Reacting to Downward Mobility." *Central and Eastern European Migration Review* 3(1):85–98.
- Zdravomyslova, Elena. 2010. "Working Mothers and Nannies: Commercialization of Childcare and Modifications in the Gender Contract (A Sociological Essay)." *East Europe Review* 28(2):200–225.

HOME WITHOUT WALLS, WALLS WITHOUT HOME: CONSTRUCTING PHYSICAL AND SYMBOLIC TRANSNATIONAL LOCATIONS IN UKRAINIAN WOMEN'S MIGRATION TO ITALY

Svitlana Odynets

Svitlana Odynets is a junior research fellow in the Department of Social Anthropology at the Ethnology Institute of the National Academy of Science of Ukraine. Address for correspondence: National Academy of Sciences, Department of Social Anthropology, prospekt Svobody 15, Lviv, 79000, Ukraine. svitlana.odynets@gmail.com.

This article analyses Ukrainian women migrants' strategies for constructing the concept of home during their long-term migration projects in Italy. Specifically, this article examines the symbolic resources through which the migrants construct the concept of the home as their own, as well as the combination of different homes in the context of transnational migration. It further asks if women migrants always see their home through the dichotomy of physical and symbolic meanings and how the conflict between homes in different countries is resolved. The article is based on the analysis of 60 semi-structured interviews conducted both in Italy and Ukraine with Ukrainian women migrants and migration experts.

The article shows how, depending on the type of migration project, migrants' personal trajectories are related to their understanding of their private domain and its realization in time and space. Three models of home are formulated: the recreated home, the divided home, and the lost home.

The second model—the divided home—turns out to be the most common. The majority of migrants from Ukraine who came to Italy in the early 2000s tend to combine the social contexts of both countries. They invest in the receiving country and continue to maintain close social relations with their country of origin, creating different concepts of home and narrativizing them depending on their own migration trajectory. Despite the fact that these are long-term (more than 15 years) migrations that entail a radical transformation of their social ties and statuses, most women are not ready to weaken their ties with Ukraine. On the contrary, migrants invest very actively in their country of origin, rather than in Italy, partly due to their age and low assessment of their personal social capital.

Moving through space, these women are also moving in time, due to the differences in cultures and their social roles in both countries. Migration for many women is also a way of distancing from or avoiding conflict with the traditional social order in Ukraine: for example, migration to Italy is often a way to leave a nonfunctional family (home) without severing the relationship legally. For many migrants the conceptualization of the place as their own is closely related to the Ukrainian national project.

Keywords: Home; Women's Migration; Subjectivity; Transnational Social Space; Italy; Ukraine

REFERENCES

- Ashwin, Sarah, ed. 2004. *Adapting to Russia's New Labour Market: Gender and Employment Behaviour*. London: Routledge.
- Bon, Nataša Gregorič, and Jaka Repič, eds. 2016. *Moving Places: Relations, Return and Belonging*. New York: Berghahn Books.
- Brednikova, Olga, and Olga Tkach. 2010. "What Home Means to the Nomad." *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 2(3):188–194.
- Bronfen, Elisabeth. 2004. *Home in Hollywood: The Imaginary Geography of Cinema*. New York: Columbia University Press.
- Caritas Italiana. 2015. *Povert. plurali: Rapporto 2015 sulla povert. e l'esclusione sociale*. Retrieved July 19, 2018 (http://www.caritasitaliana.it/materiali/Pubblicazioni/libri_2015/Rapporto_Poverta/RapportoPoverta_2015_web.pdf).
- Cuba, Lee, and David M. Hummon. 1993. "A Place to Call Home: Identification with Dwelling, Community, and Region Source." *The Sociological Quarterly* 34(1):111–131.
- Faist, Thomas. 2000. "Transnationalization in International Migration: Implications for the Study of Citizenship and Culture." *Ethnic and Racial Studies* 23(2):189–222.
- Fedyuk, Olena. 2011. "Beyond Motherhood: Ukrainian Female Labor Migrants to Italy." PhD dissertation, Department of Sociology and Social Anthropology, Central European University.
- Hidalgo, M. Carmen, and Bernardo Hernandez. 2001. "Place Attachment: Conceptual and Empirical Questions." *Journal of Environmental Psychology* 21(3):273–281.
- Hochschild, Arlie R. 2000. "Global Care Chains and Emotional Surplus Value." Pp. 130–146 in *On the Edge: Living with Global Capitalism*, edited by Anthony Giddens and Will Hutton. London: Vintage.
- Hondagneu-Sotelo, Pierrette, and Ernestine Avila. 1997. "'I'm Here, but I'm There': The Meanings of Latina Transnational Motherhood." *Gender and Society* 11(5):548–571.
- Hrycak, Alexandra. 2011. "Women as Migrants on the Margins of the European Union." Pp. 47–64 in *Mapping Difference: The Many Faces of Women in Contemporary Ukraine*, edited by Marian J. Rubchak. New York: Berghahn Books.
- Kofman, Eleonore. 1999. "Female 'Birds of Passage' a Decade Later: Gender and Immigration in the European Union." *International Migration Review* 33(2):269–299.
- Lutz, Helma. 2012. "Care Workers, Care Drain, and Care Chains: Reflections on Care, Migration, and Citizenship." *Social Politics: International Studies in Gender, State, and Society* 19(1):15–37.
- Marchetti, Sabrina, and Alessandra Venturini. 2013. "Mothers and Grandmothers on the Move: Labour Mobility and the Household Strategies of Moldovan and Ukrainian Migrant Women in Italy." *International Migration* 52(5):111–126.
- Markov, Ihor. 2012. "Osoblyvosti sotsial'nykh identychnostei suchasnykh ukrains'kykh mihrantiv u kraïnakh." *Narodoznavchi zoshyty* 2:256–260.
- Näre, Lena. 2007. "Ukrainian and Polish Domestic Workers in Naples: A Case of East-South Migration." *MigrationOnline.cz*, January. Retrieved June 9, 2018 (https://aa.ecn.cz/img_upload/3bfc4ddc48d13ae0415c78ceae108bf5/LNare_UkrainianandPolishDomesticWorkersinNaplesACaseofEast__1.pdf).
- Odynets, Svitlana. 2015a. "Ukrains'ki mihrantky v Italii: Sotsial'no-demohrafichnyi portret i osnovni faktory mihratsiïnoho protsesu u perspektyvi ostann'oho desyatylyttia." *Narodoznavchi zoshyty* 4:600–607.
- Odynets, Svitlana. 2015b. "Ukrains'kist' u diï: Rerezentatsii etnichnoi ta natsional'noi identychnostei v transnatsional'nomu seredovyshchi ukrains'kykh mihrantok v Italii." *Narodoznavchi zoshyty* 6:1435–1447.
- Parreñas, Rhacel Salazar. 2001. *Servants of Globalization: Women, Migration, and Domestic Work*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Parreñas, Rhacel Salazar. 2008. *The Force of Domesticity: Filipina Migrants and Globalization*. New York: New York University Press.

- Passerini, Luisa. 2007. *Women Migrants from East to West: Gender, Mobility and Belonging in Contemporary Europe*. New York: Berghahn Books.
- Piperno, Flavia. 2012. "The Impact of Female Emigration on Families and the Welfare State in Countries of Origin: The Case of Romania." *International Migration* 50(5):189–204.
- Proshansky, Harold M., Abbe K. Fabian, and Robert Kaminoff. 1983. "Place-Identity: Physical World Socialization of the Self." *Journal of Environmental Psychology* 3(1):57–83.
- Rao, Nirmala. 2012. "‘I Want to Be Respected’: Migration, Mobility, and the Construction of Alternate Educational Discourses in Rural Bangladesh." *Anthropology and Education Quarterly* 43(4):415–428.
- Riazantsev, Sergei, and Marina Tkachenko. 2008. *Trudovaia migratsiia zhenshchin iz Rossii: Vyezd, trudoustroistvo i zashchita prav*. Moscow: Nauka.
- Richardson, Bill, ed. 2015. *Spatiality and Symbolic Expression: On the Links between Place and Culture*. New York: Palgrave Macmillan.
- Saada, Emmanuelle. 2000. "Abdelmalek Sayad and the Double Absence: French Politics." *Culture and Society* 18(1):28–47.
- Solari, Cinzia. 2011. "Between ‘Europe’ and ‘Africa’: Building the New Ukraine on the Shoulders of Migrant Women." Pp. 24–45 in *Mapping Difference: The Many Faces of Women in Contemporary Ukraine*, edited by Marian J. Rubchak. New York: Berghahn Books.
- Tkach, Olga, and Majda Hrženjak. 2016. "Paid Domestic Work in Postsocialist Contexts: Regional Traits of a Global Phenomenon: An Introduction." *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 8(3):4–14.
- Utrata, Jennifer. 2008. "Babushki as Surrogate Wives: How Single Mothers and Grandmothers Negotiate the Division of Labor in Russia." Program in Soviet and Post-Soviet Studies, Working Paper Series, Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies, UC Berkeley. Retrieved June 9, 2018 (<https://escholarship.org/uc/item/3b18d2p8>).
- Vianello, Francesca A. 2014. "Ukrainian Migrant Workers in Italy: Coping with and Reacting to Downward Mobility." *Central and Eastern European Migration Review* 3(1):85–98.
- Zdravomyslova, Elena. 2010. "Working Mothers and Nannies: Commercialization of Childcare and Modifications in the Gender Contract (A Sociological Essay)." *East Europe Review* 28(2):200–225.